

Поль РОБСОН

Советским друзьям!

ПЕРЕД СВОИМ ОТЪЕЗДОМ ИЗ МОСКВЫ В АМЕРИКУ ИЗВЕСТНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ АРТИСТ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ПОЛЬ РОБСОН ПЕРЕДАЛ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» СВОЮ СТАТЬЮ.

Итак, я последний день в Москве.

На прощанье я еще раз пройду по широким улицам советской столицы, увижу радужные улыбки москвичей. Вечером у меня концерт. Я вновь выступлю перед советскими людьми — самыми чуткими, самыми благодарными слушателями. Я знаю, что они приветствуют меня не только как артиста, но и как представителя демократической Америки. Меня радует, что у американского народа много искренних и настоящих друзей.

Друзья!.. Какое счастье, что я могу начать свою статью, обращенную к советскому народу, к его мастерам культуры, этим чудесным русским словом.

Я приехал к вам от Америки простых людей и прогрессивной интеллигенции.

С каким волнением ловили мы каждую весточку с советского фронта в дни, когда на просторах России происходила историческая битва великого советского народа с фашистскими головорезами Гитлера.

И вот я побывал в Сталинграде. Память об этом городе-герое будет переходить из поколения в поколение у всех народов как символ беспримерного мужества советских людей. От имени прогрессивной Америки я поклонился Сталинграду и памяти павших под его стенами героев.

Выступая перед коллективом Сталинградского тракторного завода, я испытал необычайную гордость тем, что мои песни приплыли по сердцу труженикам этой волжской твердыни. Вглядываясь в лица моих слушателей, беседуя с ними, проезжая по отстраивающемуся городу, я вспоминал чудесные строки Владимира Маяковского: «Я знаю — город будет, я знаю — саду цвеств, когда такие люди в стране советской есть!».

Я не случайно привел здесь цитату из Маяковского. Я читал много его стихотворений, и мне близок весь его облик поэта-трибуна. Теперь в Москве я познакомился с маленькой книжкой стихов. Эта книжка — «Друзья и враги» Константина Симонова. Я узнал в литературных портретах, нарисованных Симоновым, своих друзей и своих врагов.

Я родился и рос в бедной семье. Учась в школе для «цветных», я должен был прирабатывать, батрача на ферме. Позже, чтобы закончить образование, мне пришлось быть и рабочим на кирпичном заводе, и официантом в кафе, и грузчиком в порту, и профессионалом футболистом. Когда я уже стал известным драматическим актером и певцом, я много лет не имел работы и вынужден был покинуть Америку. Всю жизнь я чувствовал себя лишеным права на человеческое достоинство. И во время недавнего моего путешествия по Западной Европе мне не раз давали почувствовать, что я — негр, неравный член общества.

В Советском Союзе я был впервые в 1934 году. И сразу же я почувствовал, что попал в другой мир, где жизнь основана не на волчьих законах Америки и Западной Европы, а на братстве и равенстве всех людей независимо от национальности и цвета кожи.

Я многое узнал и многому научился в Советской стране. И все годы, прошедшие с тех пор, я отдал борьбе за демократию. Я шел героям Мадрида и Барселоны. Там, на полях Испании, шел бой против фашизма. Я горжусь тем, что принимал в нем участие. Батальон имени Линкольна дрался бок о бок с испанскими республиканцами против соединенных войск Франко, Гитлера и Муссолини. Соматки этого батальона были моими друзьями, и, как и они, я твердо и непоколебимо решил посвятить свою жизнь борьбе с фашизмом. Это было моим боевым крещением.

Но самое серьезное было впереди. В Америке после второй мировой войны стали явственно вырисовываться черты поднимающего голову фашизма. Демократия предстояло дать бой отвратительному порождению Уолл-стрит.

«План Маршалла» и доктрина Трумэна, комиссия по расследованию антиамериканской деятельности и законопроект Мундта, «холодная война» и «атомная дипломатия» — все это появилось на свет божий, продиктованное стремлением финансовых воротил сохранить высокие дивиденды военных лет и задушить рабочее движение в США и Европе.

Законопроект Мундта, предусматривающий запрещение компартии, угрожал основным гражданским свободам. Этот законопроект был настолько возмутителен, что я отправился в юридическую комиссию сената, чтобы протестовать против его принятия. Я во всеуслышание заявил тогда, что коммунисты в Америке представляют лучшую часть народа и что и я вместе с ними считаю себя преданным другом СССР.

Я не собирался отказываться от своих убеждений даже под угрозой заключе-

ния в тюрьму, а ждать такой угрозы долго не пришлось. Выходящая в Вашингтоне газета «Таймс геральд» уже на следующий день напомнила мне, что я — сын раба и, преподав несколько «уроков приличия», предупредила, что я «держу курс прямо в тюремную камеру».

Власти города Пеория, находящегося в штате Иллинойс, создали во время моего пребывания там атмосферу, напоминающую приготовления к линчеванию. Тогда я постиг начальную школу конспирации. У теоретических властей оказалось немало последователей и в других городах.

Вот как выглядит американская демократия!

Несмотря на угрозы ку-клукс-клановцев убить меня, если только я появлюсь в южных штатах, во время избирательной кампании я все же поехал к своему народу. Меня сопровождал один из организаторов прогрессивной партии на юге. Теперь у негров много белых друзей. Да и сами негры — не те, что были раньше. На угрозы ку-клукс-клановцев они ответили повсеместным объединением, чтобы оградить своих гостей от посягательств на их жизнь. Это были счастливые минуты моей жизни. С каждым годом негры все смелее выступают против поработителей, против позорной расовой дискриминации.

Вот уже полгода, как я путешествую по всему свету. Я видел, что и на Ямайке мои собратья уже не те, какими я знал их раньше. Из населения острова, насчитывающего 120 тысяч человек, на мой концерт пришли 75 тысяч. На огромном ипподроме многотысячная толпа жадно ловила каждое слово о борьбе за мир, за свободу, за национальную независимость. Это от их имени, как и от имени суданских негров и негров США, я заявил на Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже:

— Негры всего мира не будут воевать против Советского Союза, они сделают все, чтобы защитить страну, которая за одно поколение покончила с вековой отсталостью колониальных народов.

Но я говорил не только от имени негров. Среди трудящихся Америки растет и ширится движение за мир. В Париже я почувствовал, какой силой может быть союз передовых людей всего мира, твердо решивших сорвать планы поджигателей войны. Мне довелось этой весной объехать почти всю Европу. Повсюду я видел растущую и крепнущую решимость к борьбе за прочный и длительный мир. Когда в Эдинбурге (Шотландия) было объявлено о моих концертах-митингах, собрались горняки со всей округи. Многие из них пришли издалека с семьями, невзирая на то, что придется возвращаться обратно поздней ночью. Они хотели услышать, что творится в мире, и послушать песни сопротивления борцов против фашизма.

Во всех странах, где я бывал, я рассказывал слушателям о борьбе, которую ведут подлинны демократы в Америке. Нельзя сказать, чтобы это приходилось по вкусу господам с Уолл-стрит и их марионеткам в Европе и Азии. Сначала мне старались помешать покончить «свободную» Америку. Потом пытались затруднить поездку. В Альберт-Холле в Лондоне у меня неожиданно... украли ноты, на Ямайке повредили радиоусиление на ипподроме, желая оградить слушателей от «кромольных» речей, и т. д. Но друзья всегда выручали меня из беды.

Недавно я узнал, что губернатор штата, в котором находится мой дом, проклял меня и предупредил, что мне лучше не возвращаться домой. По его мнению, выступлениями в Париже и в других городах я опозорил население штата и его самого...

Мне хочется ответить незадачливому губернатору. Несмотря на угрозы, я еду домой, так как считаю, что позором открыто не мое семейство, а та тысяча американцев, в руках которой сосредоточены колоссальные богатства. Обуреваемые жадной наживы, они стремятся развязать новую войну. Я еду домой, потому что твердо решил бороться с фашизмом всех оттенков до конца своих дней и верю в то, что прогрессивные силы Америки окажутся сильнее тайного стовора тысячи американцев. Я еду домой потому, что как артист должен средствами своего искусства рассказать американскому народу правду о том, что делается в СССР, в Европе, в Азии.

Я спешу домой, чтобы присутствовать 19 июня на митинге в защиту лучших людей нашего народа — двенадцати коммунистических лидеров, сейчас судимых. На этом митинге я буду говорить о том, что твердо знаю: силы мира и демократии непобедимы!

А советским друзьям я хочу, уезжая, сказать:

— До скорого свиданья! До новой встречи!